

Научная статья

УДК 343.01

doi: 10.17223/22253513/43/4

Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса

Ольга Сергеевна Гузеева

Арбитражный суд Московской области, Москва, Россия, Olga3520@list.ru

Аннотация. Механизм конституционализации уголовного права в единстве его структурных и функциональных характеристик представляет собой систему действий, отражающих предопределенную разделением властей роль субъектов конституционализации, и систему их взаимодействия в общем процессе применения государством конституционных норм для регулирования уголовно-правовых отношений. Каждый структурный элемент этого механизма (парламент, президент, суды) обладает самостоятельной функцией, компетенцией и технологиями в деле воплощения конституционных стандартов в уголовно-правовом регулировании. Взаимодействие субъектов развивается постоянно и циклически, следуя логике опровержения презумпции конституционности деятельности государственных органов на этапах правотворчества и правоприменения, при том замыкает цикл Конституционный Суд РФ, как единственный орган, наделенный полномочиями по подтверждению или опровержению конституционности уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: конституция, уголовный закон, конституционализация уголовного права, механизм конституционализации уголовного права, объект отраслевой конституционализации, субъект отраслевой конституционализации

Для цитирования: Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 41–54. doi: 10.17223/22253513/43/4

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/4

Constitutionalization of criminal law: the problem of defining the object and subject of the legal process

Olga S. Guzeeva

Arbitration Court of the Moscow Region, Moscow, Russian Federation, Olga3520@list.ru

Abstract. The constitutionalization of criminal law is a complex and multi-level process of translating constitutional ideas and values into criminal law and the practice of its application. This is a controlled and directed process, which, from the

point of view of its structural and functional analysis, presupposes the presence of a well-defined object of influence and subjects of constitutionalization. The object-subject characteristic of the constitutionalization of criminal law in branch science has not been studied. In the article, the author solves this urgent problem based on the application of a systematic approach within the framework of the implementation of the requirements of structural and functional analysis. The constitutionalization of criminal law is understood in this work as a process of substantive concretization of constitutional principles and standards in the practice of criminal law regulation. Proceeding from the fact that such regulation is an organic unity of the law and the practice of its application, the author, nevertheless, argues that the phenomenon of criminal law practice itself, as an element of the object of constitutionalization of criminal law, should be limited, excluding from its scope institutional and procedural characteristics of the practice, and leaving only its results in the form of the content, interpretation and meaning of the criminal law norms created by the parliament and applied by the court in a particular case. As a result, it is concluded that the object of constitutionalization in criminal law is precisely the criminal law norms expressed in the sources of law, which are given a particular interpretation in the process of law enforcement. When analyzing the subjects of the constitutionalization of criminal law, there is widespread opinion in science that this is exclusively the Constitutional Court of Russia is critically assessed. It is proved that, in addition to it, the subjects of constitutionalization are: parliament and courts of general jurisdiction. This made it possible to classify the subjects of constitutionalization, depending on the moment at which criminal regulation they are connected to ensure its constitutionality. "Primary" subjects of constitutionalization (parliament and court of general jurisdiction) carry out perspective constitutionalization, using constitutional principles and norms to regulate public relations, creating and applying criminal law norms. The Constitutional Court of the Russian Federation is empowered to carry out retrospective constitutionalization of the already declared legal matter through constitutional justice, which makes it possible to recognize it as a "secondary" subject of the constitutionalization of criminal law.

Keywords: constitutionalization of criminal law; restriction of human rights and freedoms; measures of a criminal-legal nature; criminal penalty; legal consequences of committing a crime; crime prevention measures

For citation: Guzeeva, O.S. (2022) Constitutionalization of criminal law: the problem of defining the object and subject of the legal process. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 41–54. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/4

Конституционализация уголовного права может рассматриваться не только как констатация конституционного качества уголовного законодательства и практики его применения, но и, что важнее, как процесс реализации конституционных норм в сфере уголовно-правового регулирования. Он предполагает последовательное развертывание в тексте уголовного закона конституционных идей и принципов [1–4], а также применение уголовного закона в соответствии с конституционными началами регулирования уголовно-правовых отношений [5–8].

Представляется, что оптимальному познанию конституционализации уголовного права как процесса будет способствовать применение методологических возможностей структурно-функционального анализа, ибо

фундаментальные вопросы «что?», «кто?» и «как?» конституционализуют в сфере уголовного права и остаются на сегодняшний день в отраслевой науке принципиально неисследованными [9]. Однако, учитывая, что сам по себе механизм конституционализации уголовного права требует специального анализа¹, позволим себе в рамках настоящей публикации ограничиться исследованием объект-субъектной характеристики обозначенного процесса.

Надо признать, что в области конституционного права вопросы, связанные с определением объекта и субъекта отраслевой конституционализации, не получили развернутого анализа. Тем не менее здесь высказаны весьма важные тезисы, отталкиваясь от которых процесс конституционализации уголовного права может быть рассмотрен как относительно самостоятельное направление отраслевой конституционализации в единстве образующих его, порой специфичных, структурных и функциональных характеристик.

Так, в конституционно-правовой науке объект конституционализации описывается как полисоставной и многоохватный феномен. В.И. Крусс признает таковым все компоненты правовой системы общества: правовое сознание, систему права, юридические практики [10. С. 16].

О.Н. Шупицкая, вслед за ним, отмечает, что понятие конституционализации права распространяется не только на законодательство, но и на юридическую практику, правовое сознание и правовую культуру [11. С. 106]. Не оспаривая этих суждений, признаем, что применительно к проблематике конституционализации уголовного права они требуют некоторых ограничений и уточнений. Должно быть очевидно, что правовая культура и правовое сознание, как не имеющие отраслевой специфики феномены, не могут быть предметом специальной деятельности по конституционализации уголовного права. Другое дело – законодательство и юридическая практика. Их намеренная конституционализация обеспечит не только правовой характер уголовно-правовой деятельности, но и содержательное наполнение социально-психологических и культурологических компонентов права.

¹ Лишь в самых общих чертах заметим, что парламент, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ в общем деле обеспечения правового, конституционного характера уголовного законодательства и практики его применения выполняют каждый свою роль, предопределенную функциональным назначением государственного органа и его компетенцией. Механизм конституционализации уголовного права в каждом из этих сегментов весьма специфичен. Представляется, что в процессе его анализа необходимо четко дифференцировать два основных направления. Первое (назовем его условно институциональным) предполагает изучение тех приемов и способов, при помощи которых субъекты конституционализации (парламент, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ) обеспечивают воплощение в уголовном праве норм и ценностей Конституции страны. Второе (его также условно можно назвать содержательным) предполагает анализ влияния конституционных положений на уголовно-правовые предписания и уголовно-правовые отношения.

Однако в понимании уголовного законодательства и уголовно-правовой практики в нашей отраслевой науке, как известно, нет единого подхода. Не углубляясь в детальное обсуждение этих вопросов, обозначим лишь кратко свою исходную позицию по данному вопросу.

Во-первых, выразим солидарность с теми специалистами, которые, трактуя понятие «уголовное законодательство», не ограничивают его объем исключительно УК РФ, но признают полиисточниковый характер отрасли уголовного права [12–15]. В принципе, любой источник уголовного права (чтобы под ним не понимать), поскольку он по определению содержит отраслевые правовые нормы, должен отражать, поддерживать и развивать конституционные установления, имеющие отношение к вопросам уголовно-правового регулирования. Некоторые теоретические сложности могут возникнуть в связи с тем, однако, что далеко не все источники уголовного права могут подлежать конституционному нормоконтролю со стороны Конституционного Суда РФ как одного из главных субъектов конституционализации права, а вопрос о проверке законности иных источников, напротив, не может быть разрешен в общем судебном порядке и требует обязательного обращения в Конституционный Суд РФ. Проблема эта, разумеется, в большей степени касается компетенции Конституционного Суда РФ, которая, кстати, существенно расширилась за счет возможности толкования на предмет соответствия Конституции России решений Европейского суда по правам человека. Применительно к нашей теме полагаем достаточным указать, что в любом случае, даже если какой-то источник уголовного права не может составлять предмет конституционного обжалования сам по себе, он по причине наличия прямой нормативной связи непосредственно с текстом УК РФ (который только и определяет преступность и наказуемость общественно опасных деяний) может быть вовлечен в орбиту конституционной оценки, поскольку предопределяет практику применения самого уголовного закона, проверка конституционности которого, в свою очередь, не может быть осуществлена без учета смысла, приданного ему иным источником уголовного права. Таким образом, можем констатировать, что объектом конституционализации в сфере уголовного права могут и должны выступать все без исключения отраслевые источники, что, однако, не исключает различий и особенностей в самом механизме их конституционализации.

Во-вторых, что касается юридической практики в области уголовного права (или уголовно-правовой практики). Заметим, что само это понятие и скрывающийся за ним феномен относятся к числу совершенно малоразработанных в науке, хотя и имеют большой эвристический потенциал. Касаясь его лишь косвенно, в связи с темой настоящего исследования, заметим, что в отраслевом аспекте конституционализация уголовно-правовой практики требует существенно ограничительного толкования.

Юридическая практика в области уголовного права, как известно, может быть правотворческой и правоприменительной. Субъекты, компетенция, процедуры и результат их деятельности в каждой из этих практических сфер должны соответствовать конституционным установлениям и принципам. При этом очевидно, что из сферы анализа специалистов в области уголовного права, акцентирующих внимание на проблемах отраслевой конституционализации, некоторые важные аспекты юридической практики исключаются.

Так, исключается проблематика конституционализации парламента, судов и органов правоприменения как ключевых субъектов юридической практики [16, 17], несмотря на всю принципиальную важность их легитимности для обеспечения режима конституционной законности в уголовно-правовых отношениях.

Далее: результаты практики в виде нормативных текстов и правоприменительных решений имеют различное отношение к предмету конституционализации. Если первые относятся к нему напрямую, составляя элемент системы источников уголовного права, то вторые, по нашему представлению, априори не могут быть предметом конституционализации, но способны лишь воплощать в себе отраженные в источниках уголовного права конституционные идеи и принципы.

С учетом изложенного можно констатировать, что феномен уголовно-правовой практики как элемент объекта конституционализации уголовного права в отраслевых исследованиях вполне отчетливо ограничивается, исключая из своего объема институциональные и процедурные характеристики практики и оставляя лишь ее результаты в виде содержания, толкования и смысла созданных парламентом и примененных судом в том или ином конкретном деле уголовно-правовых норм.

Отсюда можно сделать первый обобщенный вывод о том, что с точки зрения организации отраслевого, уголовно-правового исследования проблемы конституционализации уголовного права, ***объектом конституционализации могут выступать лишь сами уголовно-правовые нормы, выраженные в источниках права и примененные (или подлежащие применению) судом.***

Здесь важно уточнить, что речь идет об объекте конституционализации как объекте реального, фактического процесса. Оценивать конституционность уголовно-правовых норм и практик можно, безусловно, отвлеченно от той или иной реальной ситуации. Но такая оценка будет подчеркнута теоретической, результаты ее будут иметь лишь доктринальное значение, мало отражаясь в практике. С позиции совершенствования правовой системы важнее смотреть на конституционализацию как на реальный процесс, близкий по своему характеру правовому регулированию. И здесь объектом конституционализации будет выступать именно реальная, фактическая ситуация.

Такое понимание объекта предопределяет решение взаимообусловленных вопросов, связанных с установлением круга субъектов и форм конституционализации уголовного права. Полагаем самоочевидным тот факт, что конституционализация уголовно-правовых норм и практик требует в предварительном порядке, чтобы подлежащие отражению в них конституционные нормы, принципы, ценности, смыслы были, во-первых, названы, а во-вторых, содержательно «развернуты» и облечены в вербальные конструкторы. Но тут возникает принципиальный вопрос о том, кто наделен правом интерпретации конституционных норм в разрезе регулирования тех или иных отраслевых (в частности, уголовно-правовых) отношений. Он особенно важен в связи с тем, что уголовное законодательство находится в ведении федерального законодателя (парламента), а применение уголовного закона, равно как и иных источников уголовного права, а также Конституции Российской Федерации в силу ее прямого действия, – в компетенции суда.

Парламент, по определению, должен реализовывать в принимаемых им нормативных правовых актах конституционные идеи. Это вытекает из его конституционного предназначения и правила всеобщности действия Конституции страны. Тезис этот подтверждается и конституционными презумпциями деятельности парламента, в частности:

- презумпцией конституционности положений федерального законодательства¹;
- презумпцией, в силу которой любой официально-властный акт уполномоченного публично-правового субъекта отвечает требованиям законности²;
- презумпцией добросовестности и разумности действий конституционных органов³;

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2001 № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Поволжском федеральном округе об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 2059.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 4.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 5.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД “О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан”» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 3059.

– презумпцией добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам¹.

В силу этого уже на этапе разработки и принятия уголовно-правовых норм вопрос об их соответствии Конституции Российской Федерации должен быть не просто поставлен, но и всесторонне проанализирован. Отсюда надо признать, что **парламент есть субъект, ответственный за конституционный характер уголовно-правовых норм**, иными словами – субъект конституционализации отрасли уголовного права.

Другое дело, что в силу различных причин (изучение которых выходит за пределы нашего анализа и составляет предмет самостоятельного исследования) результат деятельности парламента не отражает, не полностью или ошибочно отражает конституционные идеи уголовного права. В подобной ситуации, вне зависимости от того, применяется или не применяется на практике уголовный закон, создается реальная угроза конституционному правопорядку в виде наличия нормы, потенциально неконституционной. Теоретически существует возможность исключить такую норму из правовой системы страны до момента, когда возникнет потребность или возможность ее применения. Речь идет, в частности, об институте предварительного конституционного контроля парламентских актов. Пример функционирования подобного института демонстрирует правовая система Республики Беларусь².

Белорусские специалисты признают, что, осуществляя предварительный конституционный контроль законов, принятых парламентом, Конституционный Суд не только предупреждает появление в законодательстве норм, противоречащих Основному закону государства и вступающих в коллизию с иными нормативными правовыми актами, но также излагает правовые позиции, имеющие своей целью выявление конституционно-правового смысла положений рассмотренных законов с точки зрения норм и принципов Конституции, что способствует в дальнейшем единообразному пониманию и применению истолкованных нормативных предписаний [18. С. 82; 19. С. 202].

В России, как известно, до 2020 г. Конституционный Суд был лишен возможности осуществлять предварительный конституционный контроль.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления” и Закона Корякского автономного округа “О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе” в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

² Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве». URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400124> (дата обращения: 03.12.2019).

Согласно Закону «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹, он проверял конституционность уголовных законов лишь в двух ситуациях: по жалобам граждан, если он фактически применен в том или ином конкретном деле, или по запросам судов, если он подлежит применению при разрешении дела. Таким образом, в отечественной правовой системе была реализована концепция «последующего конституционного контроля», что не исключало существования «в спящем виде» неконституционных уголовно-правовых норм. Считалось, что до тех пор, пока не возникнет необходимость их применения или же они не будут применены, угроза конституционному порядку существует лишь абстрактно, в потенциальном виде, в силу отмеченных выше презумпций добросовестности и конституционности парламента.

Однако в 2020 г. ситуация была принципиально изменена. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», конкретизируя предписания обновленной Конституции РФ, не только расширил спектр нормативных актов, которые могут быть непосредственно рассмотрены в Конституционном Суде на предмет соответствия Конституции России, но и установил правило, согласно которому Суд, среди прочего, получил полномочия по запросу Президента РФ проверять конституционность проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также законов, принятых в порядке, предусмотренном ч. 2 и 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ, до их подписания Президентом РФ.

Такое решение законодателя еще не было апробировано на практике, да и в науке не сложилось его детального понимания и оценки. С одной стороны, безусловно, оно создает дополнительные и важные гарантии конституционной законности, подчеркивает конституционную роль Президента РФ в качестве «гаранта Конституции». С другой стороны, оно «втягивает» и Президента РФ, и Конституционный Суд РФ в законодательный процесс, что создает новую конфигурацию воплощения принципа разделения властей; и кроме того, корректирует представления о самом Конституционном Суде РФ как органе правосудия, рассматривающим споры о Конституции РФ. Как бы то ни было, оформившееся решение дает все основания к тому, чтобы Президента РФ включить в круг субъектов конституционализации права, в том числе и уголовного.

Не обсуждая достоинств и недостатков различных моделей организации конституционной юстиции, заметим, что в любом случае абстрактный конституционный контроль не предопределяет конституционности всей по-

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

следующей правоприменительной практики, связанной с воплощением предписаний закона, прошедшего предварительную конституционную экспертизу. В ситуации, связанной с фактическим применением потенциально неконституционной уголовно-правовой нормы, «на страже» конституционного порядка стоит судебная система. Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации, судьи подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, а сама Конституция в силу ч. 1 ст. 15 имеет прямое действие. Однако в силу особенностей строения судебной системы возникает непостоянство с теоретической точки зрения вопрос о том, какие именно суды и в какой форме выступают и могут ли выступать субъектами конституционализации уголовного права. С одной стороны, в РФ провозглашен принцип единства судебной системы, которая обеспечивается в том числе посредством применения всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ (ст. 3 Закона «О судебной системе Российской Федерации»¹); с другой стороны, решение вопросов о конституционности того или иного акта – исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ.

Отсюда в правовой науке применительно к конституционализации правовой системы через деятельность судов сформировалось два основных подхода. Некоторые специалисты признают две формы конституционализации права: через призму деятельности Конституционного Суда РФ посредством его решений и посредством прямого действия Конституции Российской Федерации либо же только посредством проверочной практики Конституционного Суда РФ. Другие же субъектом конституционализации признают только Конституционный Суд РФ. Причем, как показывает анализ, вторая позиция является наиболее распространенной.

«Единственным безоговорочно легитимным субъектом конституционализации национальной правовой системы страны выступает Конституционный Суд РФ, результаты деятельности которого определяют актуальное “приращение” материи позитивного права и решающим образом обеспечивают необходимое для целей правового регулирования ее оформление. <...> Не может (не вправе) кто-либо кроме Конституционного Суда РФ, решать либо “предрешать” вопрос о конституционности тех или иных правовых установлений, содержание которых всегда предопределено на конституционном уровне» [20. С. 104–109].

К этому же выводу приходят наши отраслевые специалисты Л.В. Головкин [21] и А.В. Елинский. Последний связывает конституционализацию

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

уголовного права с выполнением конкретных решений, принятых Конституционным Судом РФ, и обеспечением соответствия УК РФ общим требованиям, которые в этих решениях сформулированы [22. С. 35–37].

Признавая качество представленных авторами аргументов, нельзя не заметить, что при таком подходе не учитываются упомянутые предписания о прямом действии Конституции Российской Федерации, а также цели уголовного судопроизводства, обозначенные в ст. 6 УПК РФ. Защита прав и свобод человека составляет главное назначение, цель деятельности судов при разрешении уголовных дел. И руководствуются суды в достижении этой цели, в первую очередь, предписаниями Конституции страны. Применяя тот или иной закон, суд дает ему развернутое толкование, в том числе системное и аксиологическое, определяя взаимосвязь с иными, в том числе конституционными нормами и выявляя не только буквальное, но и ценностное содержание нормы, ее конституционное назначение. Тем самым **суд очевидным образом включается в число субъектов конституционализации уголовного права** и его решение, в силу презумпции добросовестности и разумности действий конституционных органов, должно по определению соответствовать конституционным стандартам.

Ограничивая круг субъектов конституционализации права только и исключительно Конституционным Судом РФ, исследователи, как представляется, не вполне учитывают содержание самого процесса конституционализации. Суть его в том, чтобы принимаемый уголовный закон и его применение в конкретном деле соответствовали конституционным нормам и ценностям. Следовательно, и парламент, и суды общей юрисдикции ответственны за обеспечение конституционного содержания уголовного права. Другое дело, что презумпции добросовестности, разумности, конституционности, соответствия общим принципам права в деятельности и парламента, и судов являются опровержимыми, поскольку в процессе их функционирования могут возникать явления, получившие в науке определение «конституционная деформация» [23. С. 45].

Констатировать наличие конституционных деформаций и опровергнуть изложенные презумпции в исследуемой нами части функционирования государственных органов может только Конституционный Суд РФ. Правом же на сомнение обладают, с одной стороны, суды общей юрисдикции, ставя вопрос о конституционности уголовного закона, подлежащего применению, а с другой – граждане, жалующься на неконституционный характер примененного к ним уголовного закона.

В итоге создается в целом вполне стройная, логическая схема, соответствующая общим принципам теории разделения властей и современным представлениям о равновеликом статусе человека и государства в их публично-правовых отношениях. Суды «сдерживают» возможность применения принятых парламентом уголовно-правовых норм, которые, по их мнению, не обладают конституционными свойствами, а граждане оспаривают

конституционность результатов деятельности государственных органов, принявших и применивших в конкретном деле уголовно-правовые нормы, по их мнению, не соответствующие Конституции страны.

Решающее слово в этих спорах, как было отмечено, принадлежит Конституционному Суду РФ. Но это вовсе не снимает с парламента и судов общей юрисдикции обязанности уяснять конституционный смысл создаваемых и применяемых уголовно-правовых норм, не лишает их статуса субъектов конституционализации уголовного права. Напротив, можно утверждать о том, что эти органы выступают «первичными» субъектами конституционализации, тогда как ошибки их деятельности устраняются органом конституционного правосудия.

В зависимости от уровня субъекта конституционализации уголовного права можно выделить две ее основные формы. «Первичные» субъекты осуществляют так называемую перспективную конституционализацию, используя конституционные принципы и нормы для регулирования тех или иных общественных отношений, создавая и применяя в том числе уголовно-правовые нормы. Конституционный Суд РФ наделен эксклюзивными полномочиями в осуществлении ретроспективной конституционализации уже продекларированной правовой материи посредством конституционной юстиции.

Это, разумеется, не умаляет роли и значения Конституционного Суда РФ, не сводит его исключительно к проверочной инстанции. Формулируя конституционно-правовые положения, связанные с фабулой конкретного разбирательства, Конституционный Суд РФ дает такое толкование конституционных норм и выявляет такой конституционный смысл уголовно-правовых предписаний, которые не только сохраняют свое значение для всех иных аналогичных дел (как уже рассмотренных, так и находящихся в стадии рассмотрения и тех, что только будут рассматриваться), но обладают, по сути своей, правоустановительным значением. Речь идет о том, что правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ, выступают ориентиром в правотворчестве и правоприменении. Их значение выходит за рамки казуса, ставшего предметом рассмотрения, а сами позиции распространяются на все аналогичные случаи, т.е. на нормативные правовые акты, содержащие подобные положения, по которым была принята правовая позиция, а также на вновь принимаемые нормативные акты, содержащие подобные положения [24. С. 99–100].

В этом специфика конституционализации уголовного права, осуществляемой Конституционным Судом РФ. Она, будучи инициированной в ретроспективном отношении, задает направление будущим, потенциально возможным уголовно-правовым нормам, формирует конституционное мировоззрение и правопонимание, необходимые для создания, а равно толкования и оценки действующих (но не проверенных Конституционным Судом РФ) норм. Позиции Конституционного Суда РФ наполняют интеллектуальное и правовое пространство необходимой информацией, восприятие

содержания которой является обязанностью субъектов правотворчества и правоприменения, которые, в свою очередь, призваны привести в соответствие с мнением Конституционного Суда РФ свою актуальную и потенциальную деятельность.

Список источников

1. Barak A. The Constitutionalization of the Israeli Legal System as a Result of the Basic Laws and its Effect on Procedural and Substantive Criminal Law // *Israel Law Review*. 1997. № 31 (1-3). P. 3–23. doi: 10.1017/S0021223700015223
2. Bilionis L.D. Process, the Constitution, and Substantive Criminal Law // *Michigan Law Review*. 1998. Vol. 96, № 5. P. 1269–1334. doi: 10.2307/1290179
3. Brownstein A. The Constitutionalization of Self-Defense in Tort and Criminal Law, Grammatically-Correct Originalism, and Other Second Amendment Musings // *Hastings Law Journal*. 2009. Vol. 60, Is. 6. P. 1205.
4. Cédas J. La constitutionnalisation de la procédure pénale en France et aux États-Unis // *Revue internationale de droit pénal*. 2011. № 82 (3). P. 445–456. doi: 10.3917/ridp.823.0445
5. Dubber M.D. Criminal Justice in America: Constitutionalization Without Foundation (March 16, 2012). URL: <https://ssrn.com/abstract=2024942> (available at 20.01.2020).
6. Merita Kettunen Legitimizing European Criminal Law. Springer International Publishing, 2020. P. XIII, 278.
7. Philip L. La Constitutionnalisation du droit pénal français // *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 1985. № 4. P. 711–723.
8. Lazerges Ch. La question prioritaire de constitutionnalité devant le Conseil constitutionnel en droit pénal: entre audace et prudence // *Dans Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 2011. № 1. P. 193–207.
9. Singelstein T. Zur Konstitutionalisierung im Strafrecht // *Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul*. 2011. Vol. XLIII, № 60. P. 33–45.
10. Крыс В.И. Конституционализация права: основы теории. М. : Норма-Инфра-М, 2017. 239 с.
11. Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // *Юридический вестник ДГУ*. 2018. Т. 28, № 4. С. 105–113.
12. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 184 с.
13. Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект). Саратов: Саратов. гос. академия права, 2007. 168 с.
14. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2015. 502 с.
15. Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2003. № 5. С. 64–75.
16. Кузьмин А.Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 57 с.
17. Ульянов А.Ю. Конституционализация института прокуратуры как закономерный этап развития российской государственности // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2016. № 3 (21). С. 90–99.
18. Козырева Л.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда на правоприменительную практику в экономической сфере // *Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь*. 2012. № 3. С. 82–87.
19. Сеницына А.М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения // *Вестник Полоцкого Государственного Университета*. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2018. № 6. С. 202–206.

20. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2012. № 31. С. 104–119.
21. Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. № 12. С. 83–94.
22. Елинский А.В. Некоторые направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса // Юридический мир. 2012. № 4 (184). С. 35–38.
23. Никитина А.В. Понятие и виды конституционных дефектов // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). Чита : Молодой ученый, 2017. С. 40–45.
24. Кукушкин А.А. Правовая позиция Конституционного Суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы // Актуальные проблемы Российского права. 2009. № 1. С. 96–102.

References

1. Barak, A. (1997) The Constitutionalization of the Israeli Legal System as a Result of the Basic Laws and its Effect on Procedural and Substantive Criminal Law. *Israel Law Review*. 31(1-3). pp. 3–23. DOI: 10.1017/S0021223700015223
2. Bilonis, L.D. (1998) Process, the Constitution, and Substantive Criminal Law. *Michigan Law Review*. 96(5). pp. 1269–1334. doi: 10.2307/1290179
3. Brownstein, A. (2009) The Constitutionalization of Self-Defense in Tort and Criminal Law, Grammatically-Correct Originalism, and Other Second Amendment Musings. *Hastings L.J.* 60(6). p. 1205.
4. Cédras, J. (2011) La constitutionnalisation de la procédure pénale en France et aux États-Unis. *Revue internationale de droit pénal*. 82(3). pp. 445–456. DOI: 10.3917/ridp.823.0445
5. Dubber, M.D. (2012) *Criminal Justice in America: Constitutionalization Without Foundation (March 16, 2012)*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2024942> (Accessed: 20th January 2020).
6. Kettunen, M. (2020) *Legitimizing European Criminal Law*. Springer International Publishing.
7. Philip, L. La (1985) Constitutionnalisation du droit pénal français. *Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 4. pp. 711–723.
8. Lazerges, Ch. (2011) La question prioritaire de constitutionnalité devant le Conseil constitutionnel en droit pénal: entre audace et prudence. *Dans Revue de science criminelle et de droit pénal comparé*. 1. pp. 193–207.
9. Singelstein, T. (2011) Zur Konstitutionalisierung im Strafrecht. *Annales de la Faculté de Droit d'Istanbul*. XLIII(60). pp. 33–45.
10. Kruss, V.I. (2017) *Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii* [Constitutionalization of Law: The Foundations of Theory]. Moscow: Norma-INfra-M.
11. Shupitskaya, O.N. (2018) Konstitutsionalizatsiya prava i pravovaya sistema [Constitutionalization of law and the legal system]. *Yuridicheskii vestnik DGu*. 28(4). pp. 105–113.
12. Kaysin, D.V. (2005) *Istochniki ugovolno-pravovoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Sources of the Criminal Law of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
13. Kopsheva, K.O. (2007) *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii i ego osnovaniya (teoreticheskiy aspekt)* [Criminal legislation of the Russian Federation and its foundations (the theoretical aspect)]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
14. Obrazhiev, K.V. (2015) *Sistema formal'nykh (yuridicheskikh) istochnikov Rossiyskogo ugovolnogo prava* [The system of formal (legal) sources of Russian criminal law]. Moscow: Yurlitinform.
15. Pudovochkin, Yu.E. (2003) *Istochniki ugovolnogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The sources of criminal law of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 5. pp. 64–75.

16. Kuzmin, A.G. (2016) *Konstitutsionalizatsiya pravosudiya i arbitrazhnaya sudebnaya praktika v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutionalization of Justice and Arbitration Judicial Practice in the Russian Federation]. Abstract Law Dr. Law. Ekaterinburg.

17. Ulianov, A.Yu. (2016) Constitutionalization of the Prosecutor's office as a naturally determined stage of the Russian statehood development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3(21). pp. 90–99. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/21/10

18. Kozyreva, L.G. (2012) Vliyanie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda na pravoprimenitel'nyuyu praktiku v ekonomicheskoy sfere [Influence of the legal positions of the Constitutional Court on law enforcement practice in the economic sphere]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'*. 3. pp. 82–87.

19. Sinitsyna, A.M. (2018) Rol' Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus' v obespechenii konstitutsionalizatsii normotvorchestva i pravoprimeneniya [The role of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in ensuring the constitutionalization of rule-making and law enforcement]. *Vestnik Polotskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 6. pp. 202–206.

20. Kruss, V.I. (2012) Ponyatie, aktual'nost' i formy konstitutsionalizatsii prava [The concept, relevance and forms of constitutionalization of law]. *Vestnik TvGU: seriya "Pravo"*. 31. pp. 104–119.

21. Golovko, L.V. (2013) Konstitutsionalizatsiya rossiyskogo ugolovnogo protsessa: mezhdu lozungami i real'nost'yu [Constitutionalization of the Russian criminal process: between slogans and reality]. *Gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 83–94.

22. Elinskiy, A.V. (2012) Certain directions of constitutionalization of the Russian criminal law from the viewpoint of elaboration of Draft New Criminal Code. *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 4(184). pp. 35–38. (In Russian).

23. Nikitina, A.V. (2017) Ponyatie i vidy konstitutsionnykh defektov [The concept and types of constitutional defects]. *Aktual'nye vo-prosy yuridicheskikh nauk* [Topical Issues of Legal Studies]. Proc. of the Third International Conference. Chita, April, 2017. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 40–45.

24. Kukushkin, A.A. (2009) Pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda RF: sushchnost', yuridicheskie priznaki i protsessual'nye formy [Ratio decidendi of the Constitutional Court of the Russian Federation: essence, legal features and procedural forms]. *Aktual'nye problemy Rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 96–102.

Информация об авторе:

Гузеева О.С. – кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области (Москва, Россия). E-mail: Olga3520@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.S. Guzeeva, Arbitration Court of the Moscow Region (Moscow, Russian Federation). E-mail: Olga3520@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021;
одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 02.03.2022.

The article was submitted 12.05.2021;
approved after reviewing 18.09.2021; accepted for publication 02.03.2022.